

18+

ГАЙ БАРРОУЗ

Земля пигмеев

Гай Барроуз
Земля пигмеев

«Издательские решения»

Барроуз Г.

Земля пигмеев / Г. Барроуз — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515779-9

Книга повествует о трехлетнем (с 1894 по 1897 год), полном приключений периоде службы автора в качестве колониального инспектора в джунглях тропической Африки среди диких и зачастую кровожадных племен.

ISBN 978-5-00-515779-9

© Барроуз Г.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА	6
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	11
ГЛАВА I	15
ГЛАВА II	30
ГЛАВА III	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Земля пигмеев

Гай Барроуз

Анатолий Павлович Смирнов *Переводчик*

© Гай Барроуз, 2020

© Анатолий Павлович Смирнов, перевод, 2020

ISBN 978-5-0051-5779-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Гай Барроуз (1861—1912) родился в семье потомственных военных, и среди его предков и родственников было несколько генералов. Поэтому относительно будущей профессии молодого человека не могло быть никаких сомнений. Закончив военное учебное заведение в августе 1880 года, он начал службу младшим офицером в армейском стрелковом полку. В декабре того же года он перевелся служить в Индию и оставался там до тех пор, пока в 1885 году по состоянию здоровья не покинул эту колонию. По долгу службы он был отправлен в Египет. В апреле 1887 года Барроуз получил звание капитана и командовал британским отрядом в Ассуане. Он уволился из армии в ноябре 1888 года.

В 1894 году власти «Свободного государства Конго», желая освоить новые регионы в джунглях, предложили нескольким бывшим британским офицерам служить в этой африканской колонии. Среди тех, кто воспользовался этой возможностью и выразил желание служить, был капитан Гай Барроуз. То, что его услуги были оценены, можно судить по его продвижению по службе, поскольку менее чем через год он был назначен комендантом округа Макуа, а в феврале 1897 года был назначен начальником округа Руби-Уэле. Когда истек трехлетний срок его контракта, Барроуз в конце 1897 года вернулся в Европу. Впоследствии он был вновь нанят на три года. Таким образом, в целом, он провел шесть лет в Конго, сначала в качестве коменданта округов Макуа и Руби-Уэле, а затем в качестве окружного комиссара Арувими с штаб-квартирой в Басоко.

Настоящая книга повествует о первом трехлетнем контракте Барроуза в бассейне реки Конго.

Кроме того, Гай Барроуз написал книгу «Проклятье Центральной Африки. Шесть лет среди канибалов».

Помимо фотографий автора в книге и для обложки использованы фото с открытого для копирования сайта wikimedia.commons.

Перед тем, как перейти непосредственно к тексту, я хотел бы, в качестве рекламы, ознакомить читателей с книгами, которые были переведены мной на русский язык за последние несколько лет. До этого их на русский язык не переводили. Многие из перечисленных ниже книг есть в электронном виде в интернет-магазинах. Если кого-нибудь заинтересует моя работа, буду рад помочь в поисках указанной литературы, также вышлю подробный каталог с аннотациями всех книг. Пишите на почту lm52@mail.ru

«Кругосветное плавание командора Ансона. Охота за испанским „серебряным“ галеоном».

– 3 книги тома – 580 страниц – 96 иллюстраций и географических карт **«Операция «Эмин-Паша»**

– 2 тома Том 361 страница, 175 фотографий и рисунков **«Под солнцем Африки»**

–221 страница, 54 иллюстрации **«Англо-зулусская война и другие военные конфликты в Южной Африке»**

– 154 страницы, 40 иллюстраций. **«Обзор Кафрской и Зулусской войн 1878—1879 г.г.»**

–221 страница, 54 иллюстрации **«Англо-зулусская война и другие военные конфликты в Южной Африке»**

– 154 страницы, 40 иллюстраций. **«Обзор Кафрской и Зулусской войн 1878—1879 г.г.»**

– 3 тома – 802 страницы – 139 иллюстраций. **«Журнал экспедиции, открывшей исток Нила»**

4 тома – 679 страниц, 78 иллюстраций и географических карт. **«Первый европеец на озере Альберт-Ньянза» —**

– 2 тома – 270 страниц, 48 иллюстраций и географических карт. **«Проклятье Центральной Африки»**

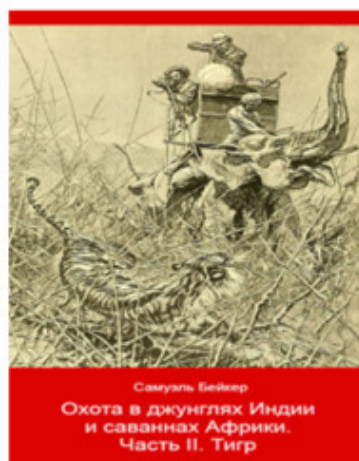
(«От Нигера до Нила») – 4 тома – 679 страниц – 260 иллюстраций, фотографий и географических карт. **«6000 миль по рекам дикой Африки»**

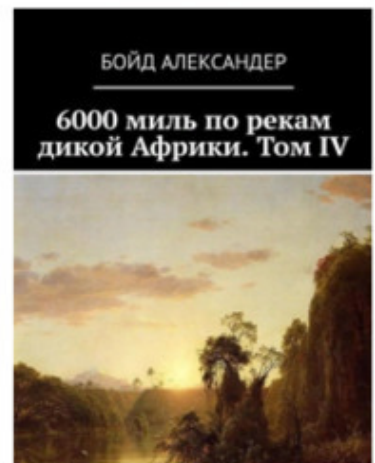
Анатолий Смирнов

переводчик

– 6 томов. **«История британского флота»**

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Устье Конго было обнаружено в 1484 году Диего Кэмом, португальским военно-морским офицером и родственником короля Хуана II. Кэм в то время принимал участие в экспедиции, направленной вдоль африканского континента с целью обнаружения пути в Ост-Индию. В ознаменование этого открытия на южном мысе устья реки был установлен каменный столб, который до сих пор известен как Фордланд Падрао. Исследователи дали реке название Заир (от слова «nzadi», что означает река); и только в начале семнадцатого века поток был впервые нанесен на картах как Рио-де-Конго.

Старые описания, которые датируются шестнадцатым и семнадцатым веками, основаны на историях, принесенных торговцами домой, и никоим образом не поднимают завесу тайны, которая скрывает внутреннюю часть страны, о которой эти истории дают множество причудливых сообщений. С этого времени и до начала нынешнего столетия история Конго связана с португальцами, которые распространяли Евангелие среди местных людей, подчиняющихся их правлению.

Собственно, португальское Конго было ограничено на севере одноименной рекой, на юге – рекой Куанза и протянулось вглубь от побережья в восточном направлении всего на несколько миль.

Устье реки Конго (красная стрелка), Луанда (белая стрелка), река Куанза (желтая стрелка)

В Амбассе был возведен собор, который стал резиденцией епископства в 1534 году. Когда король (самый влиятельный вождь) Конго был обращен в христианство, название города было изменено на Сан-Сальвадор, а затем он был переименован в Сент-Пол де Лоанда (ныне Луанда).

В 1784 году португальцы построили форт в Кабинде, в тридцати милях к северу от устья Конго, чтобы отметить оккупацию королевства Португалией; но французская эскадра вынудила их демонтировать эту крепость. Вдоль Конго также были основаны станции, на которых рабы грузились на суда; позже они были оставлены португальцами, а их население переместили в Сент-Пол де Лоанду вместе с епископством.

Джеймс Кингстон Тьюки, руководитель экспедиции, направленной туда британским правительством в 1816 году, дает первое точное описание Нижнего Конго от его устья до расстояния в 170 миль вверх по реке. Тьюки упоминает о присутствии вдоль берегов Конго многочисленных работоторговцев, которые вели свой прибыльный бизнес. В 1810 году, когда европейские державы решили отменить работоторговлю, одна Португалия отказалась присоединиться к конвенции, и в 1816 году из Конго ежегодно отправлялись по две тысячи рабов.

В 1867 году Ливингстон обнаружил поток Чамбези, бегущий на запад к югу от Танганики, и принял его за исток Нила. Между 1868 и 1871 годами он исследовал реку до озера Бангвелу и пришел к выводу, что далее она вытекает из этого озера под названием Луапула и впадает на севере в озеро Мверу, из которого выходит под названием Луалаба. Он снова нашел ту же реку в городе Ньянгве (территория Маньема), на расстоянии 1300 миль от ее истока. В том месте она уже достигла огромной ширины.

В октябре 1876 года экспедиция под командованием Стэнли, отправленная газетами «Дейли телеграф» и «Нью-Йорк геральд», достигла арабского города Ньянгве.

Именно отсюда Стэнли совершил свой знаменитый спуск по реке к океану. Проплыв и пройдя по суше двести восемьдесят один день, экспедиция вышла к Атлантике, преодолев 1660 миль (2660 км) по воде и 140 миль (225 км) по суше.

Озеро Танганьика (красная стрелка), река Чамбези (желтая стрелка), озеро Бангвелу (белая стрелка), река Луапула (сиреневая стрелка), озеро Мверу (зеленая стрелка)

Чамбези, озеро Бангвелу, Луапула, озеро Мверу и Луалаба были затем признаны частями Верхнего Конго, для открытия которых потребовалось целых четыреста лет после первого прибытия португальцев к устью великой реки.

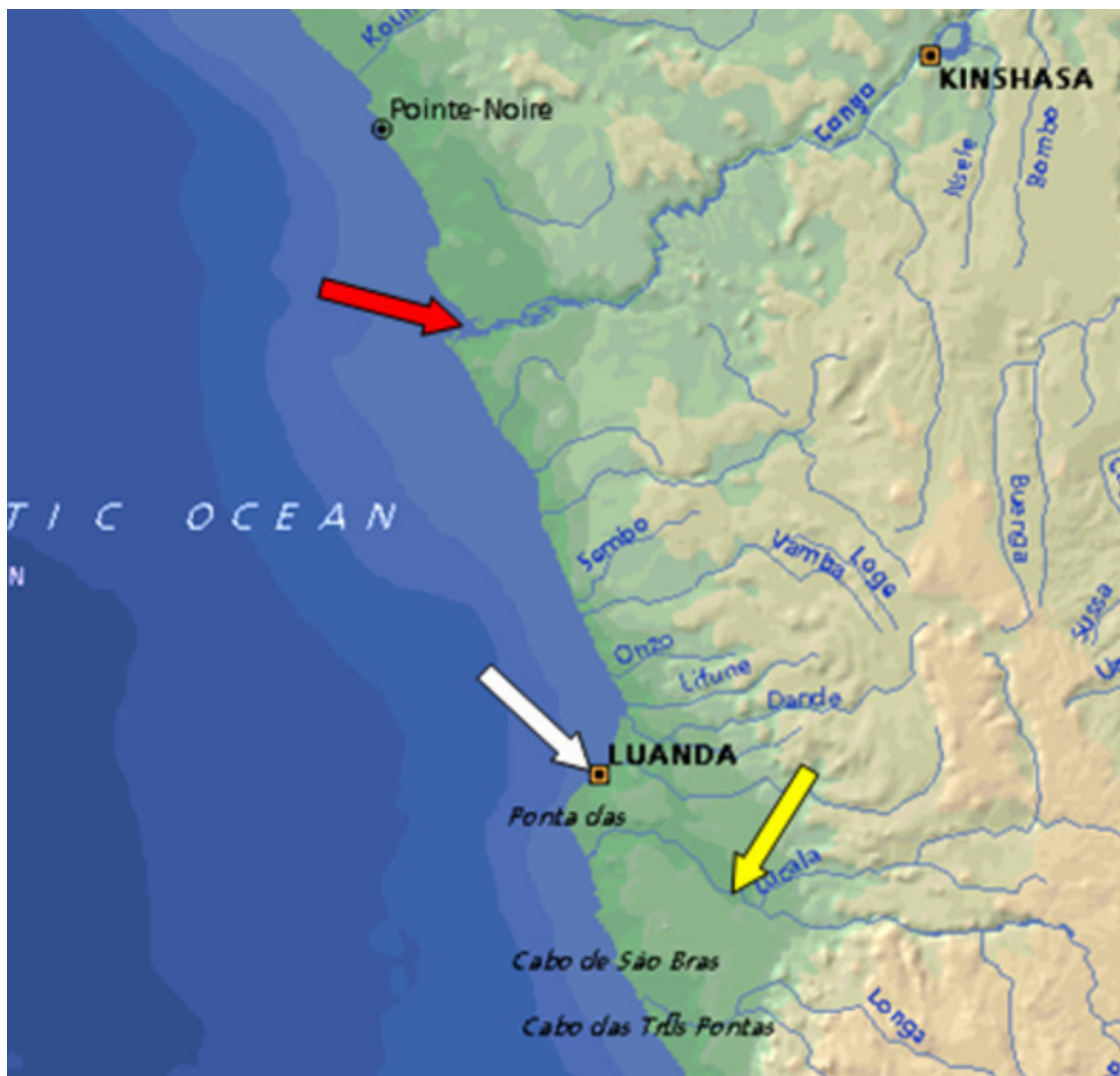
Ньянгле (белая стрелка), озеро Танганьика (красная стрелка). Расстояние между этими объектами 320 км.

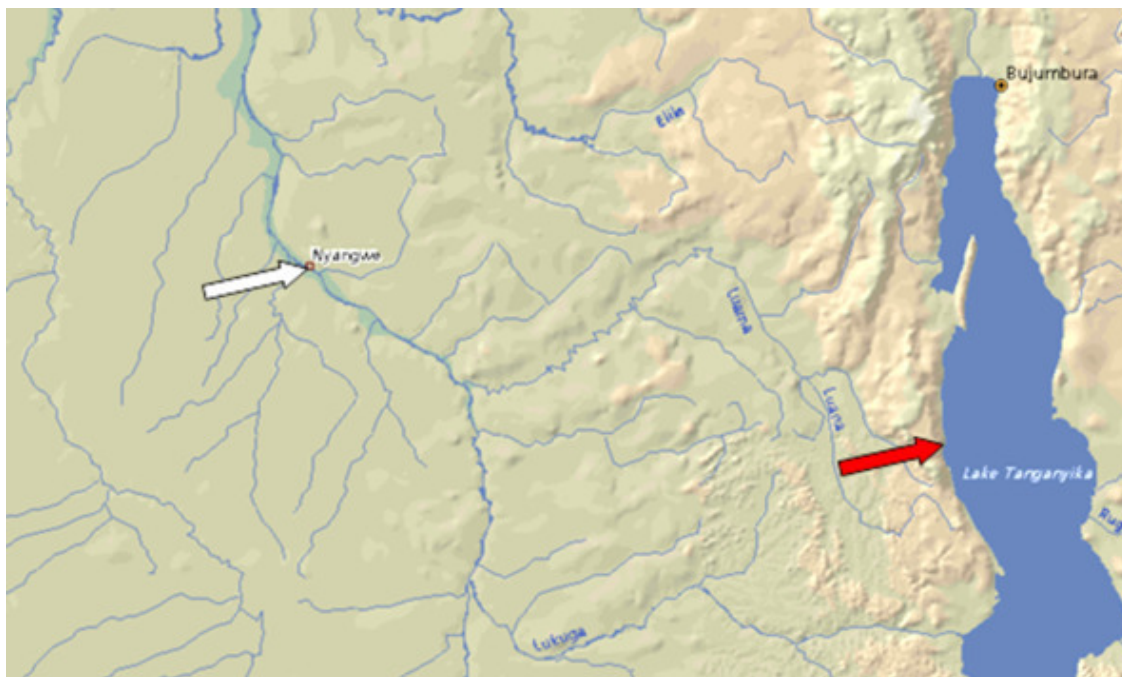
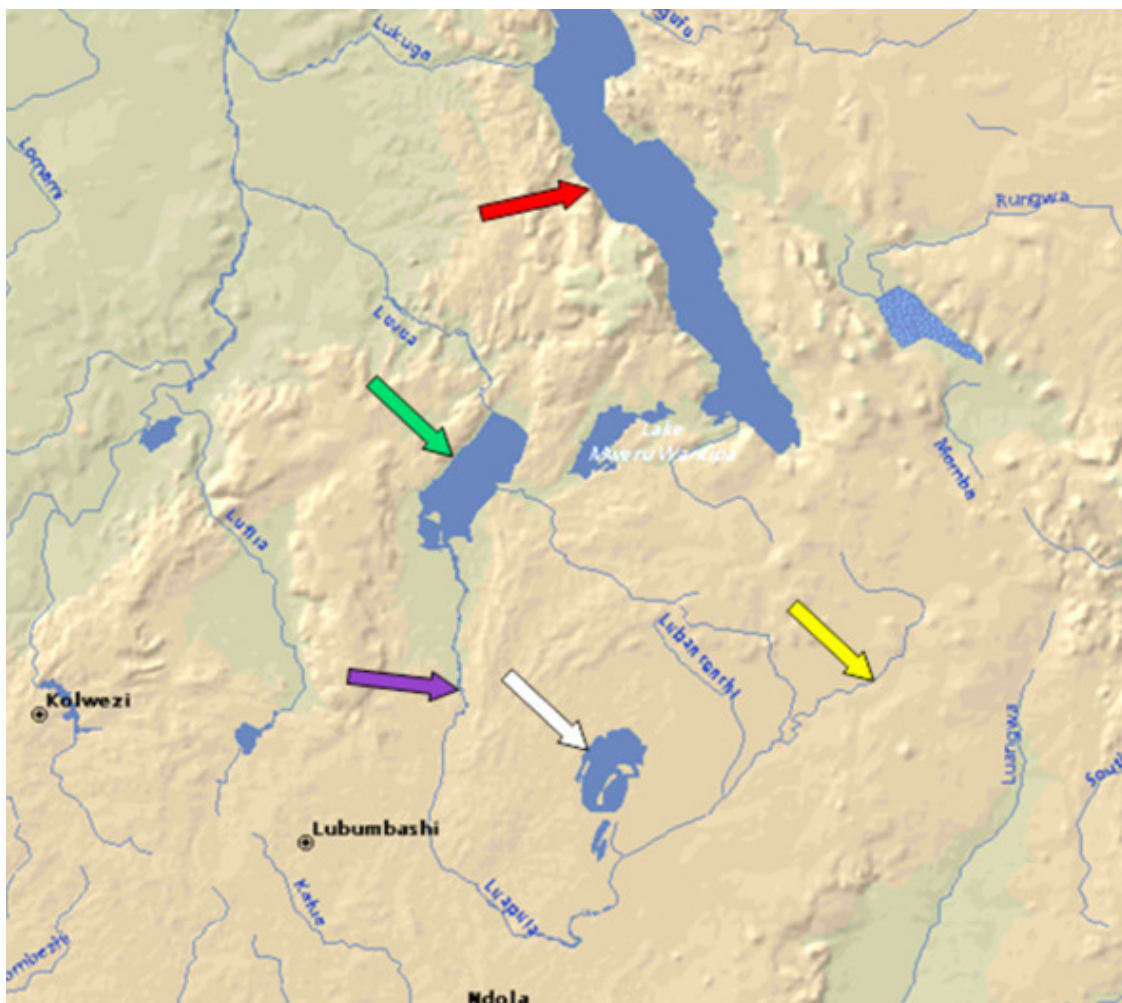
Первая африканская экспедиция, стартовавшая с восточного побережья, покинула Европу 23 января 1879 года, во главе которой был Стэнли. Он направился сначала в Занзибар, где были завербованы несколько слуг из его бывшей экспедиции и многие занзибарцы. Стэнли по морю достиг устья Конго 14 августа и обнаружил там бельгийскую флотилию, ожидавшую его. На борту парохода «Esperance» он поднялся по Конго до Виви,* самого дальнего судоходного пункта, где он с большими трудностями основал станцию. В марте 1880 года Стэнли продолжил путь от Виви к Исангиле, которую он достиг в феврале 1881 года.

** Виви – деревня на северном берегу Конго напротив современного селения Матади. Основана Стэнли в 1879 году (примечание переводчика)*

Мне хорошо известно, что несколько ранних исследователей предоставили общественности интересные отчеты о своих путешествиях и открытиях в отдаленных африканских регионах, и мне приятно, что я смог внести некоторую дополнительную и свежую информацию, собранную из личного опыта, в местах, где ни один белый человек не ступал раньше.

Гай Барроуз

ГЛАВА I

В июне 1894 года, узнав, что бельгийский король попросил господина Стэнли найти нескольких английских офицеров для службы в колониальных войсках, я предоставил себя в его распоряжение и сразу же направил ему рекомендательное письмо к секретарю их государства, который был тогда в Брюсселе. Договоренности были быстро достигнуты, и в течение недели я был на борту парохода «Королева Вильгельмина», направлявшегося в Бому, ничего не зная о моем конечном предназначении, но вполне довольный тем, что имел назначение в чине капитана в Force Publique (колониальные войска «Свободного государства Конго»), и стремился к активной службе в Верхнем Конго.

Едва мы высадились на берег в Боме, как меня с несколькими другими офицерами направили дальше вглубь страны, в Матади, строящуюся станцию примерно в сорока милях выше по реке Конго, где мы нашли всех поселенцев в суете и растерянности. Караваны прибывают сюда из внутренних территорий, нагруженные слоновой костью и каучуком, или отправляются в Стэнли Пул с тюками ткани, рулонами латунной проволоки и другими полезными товарами.

Было интересно наблюдать, как туземные новобранцы с Западного Побережья, которые плохо говорили по-английски, забавно общались со своими белыми офицерами.

Комнат для вновь прибывших было так трудно найти, что мы были рады тем, что нам предоставили уголок для наших кроватей в столовой, когда наш скромный обед закончился.

Бома (красная стрелка), Матади (белая стрелка), Стэнли Пул (желтая стрелка)

На следующий день мы были так заняты распределением нашего багажа для переноски его носильщиками, по семь из которых были выделены каждому из нас вместо обещанных двенадцати. Поэтому время пролетело быстро, и на следующее утро мы отправились по караванной дороге к Стэнли Пулу, месту, удаленному примерно на 230 миль.

Труднопроходимый путь пересекает холмистый район к востоку от Матади, – это просто пустошь, не украшенная никакими деревьями или признаками жизни. Нет ничего более мрачного, чем голые скалы и каменистые склоны, покрытые скудными лезвиями грубой, зазубренной травы; нет ничего более унылого, чем подобная монотонность окружающего пейзажа.

Матади

В конце каждого этапа были построены небольшие укрытия для использования государственными агентами – убогие хижины с травяными крышами на столбах, слишком грубо сделанные, чтобы быть защищенными даже от малейшей непогоды. По замыслу властей эти жалкие временные хижины должны служить до тех пор, пока не будет построена длинная железная дорога.

Десять дней пути привели нас в Лукунгу, станцию на полпути между Матади и Стэнли Пулом, где мы встретили барона Даниса и доктора Хинде, направлявшихся на побережье с разведывающимися знаменами после их успешного рейда против арабских рабовладельцев.

6 сентября мы добрались до Леопольдвилля, станции, впервые заложенной г-ном Стэнли на холме, который возвышается над огромным разливом воды, известным под его именем (Стэнли Пул).

В ожидании парохода, который отвезет нас на Верхнее Конго, мы оказались среди многих белых торговцев и членов американских и французских миссий, последняя из которых была основана с большой и добротной построенной церковью.

Леопольдвиль

Местные племена в этих частях включают в себя массеронгов на островах и на левом берегу реки от устья до Матади; каконгов на правом берегу, между морем и Бомой; баоли вдоль побережья, и майомбе внутри страны.

Говоря в целом, люди в Нижнем Конго высокие и хорошо сложены, с гибкими конечностями, сформированными больше для ловкости, чем для силы, а также с овальными головами и лицами.

Их женщины крупнее и сильнее мужчин, и все они, как и другие расы Конго, отличаются своими маленькими руками и ногами, на которых нанизаны браслеты такого размера и веса, которые не смог бы носить ни один европеец.

Американская миссия в Леопольдвиле

Татуировки общеприняты, но покрывают лишь небольшую часть их коричневых тел; и, как правило, волосы у всех туземцев короткие. Разные племена отличаются особым методом подтачивания зубов, либо делая их треугольными с острыми концами, либо квадратными, либо в виде правильных полукругов.

Баоли – смешанное племя, недружелюбное к белым, живет на побережье, питаясь устрицами и выпаривая на продажу соль из морской воды. Майомбы – дикая раса, красивы и крепки сложением. Массеронги держатся в стороне от остальных и настолько независимы, что даже самая неизбежная опасность не заставит их объединиться со своими соседями против общего врага.

Пища этих племен на побережье более разнообразна, чем у жителей внутренней Африки. Их женщины собирают, перемалывают и просеивают маниок, мука из которого составляет основу их диеты, и заняты домашними делами, в то время, как их дети играют в хижинах, а малыши мирно спят, покачиваясь на бедрах своих матерей. На костре, который горит между тремя большими камнями, эти местные повара готовят превосходный бульон, тушеное мясо с овощами и с паприкой в пальмовом масле.

Гончарные изделия из Нижней Убанги

Это они едят из деревянных мисок деревянными ложками и ножами, пьют из глиняной посуды или резных деревянных чашек; и хотя гончарные круги им неизвестны, они демонстрируют превосходный вкус при изготовлении ваз и керамики.

В привычках поддержания личной чистоты эти африканские дети природы являются полезным примером для многих жителей в более цивилизованных странах. Когда они живут рядом с рекой или каким-либо водоемом, они моются несколько раз в день, а в лесах, где это невозможно, они смазывают свои тела слоями масла и красного порошка, которые они часто счищают и заменяют новыми слоями. После каждого приема пищи они прополаскивают рот водой и протирают зубы указательным пальцем или грубой зубной щеткой из волокнистой древесины.

Самый популярный костюм – скудный, но достаточный для местного климата – состоит из безвкусных вещей, импортируемых из Европы, которые туземцы драпируют толстыми складками вокруг бедер и поясицы. Большие по размеру предметы одежды и изменение фасонов доставляют им удовольствие, в то время, как при выборе цветов красный, белый и черный находят особый спрос; желтый принимается неохотно, синий допускается, но зеленый категорически отвергается.

В большинстве случаев их «короли» и «принцы» выстраиваются в гротескном великолепии, полностью сбрасывая штаны, но украшая побрякушками яркие остатки европейской военной униформы.

«Короли» в своих парадных костюмах используют шкуры леопардов или диких кошек в качестве фартуков и носят длинные трости с наконечником из слоновой кости или деревянной резной рукояткой, и они, и их подданные всех рангов и обоих полов носят большие серьги.

Большинство из этих людей верят в существование Высшего Существа, которое живет над облаками и совсем не беспокоится о смертных, которых оно создало. Однако, больше внимания туземцы уделяют фетишам (выдуманным ими мелким богам), которые, как считается, более заинтересованы делами людей. К ним, особенно к фетишу смерти, обращаются через

колдунов, которые «общаются» с фетишами в случаях совершения туземцами преступлений или нанесения увечий соплеменникам, чтобы выяснить, кто виновен.

Увешанный листьями и украшенный мишурой, несущий в левой руке мешок с клювами орлов и когтями шакалов, опьяненный пальмовым вином, колдун танцует и кричит, и через некоторое время спектакль заканчивается объявлением имени преступника. В других случаях шаман будет изображать из себя врача и, внушая доверчивым соплеменникам, что обладает сверхъестественными способностями, дает волю своей жестокости и алчности.

Маска колдуна

Мы сформируем общее представление о людях этой части Африки, если опишем деревню в районе Бабуенди, где на вершине холма расположилась группа, возможно, из трех сотен хижин не предполагая каких-либо опасностей или неожиданностей. Эти хижины имеют прямоугольную форму с нависающими фронтонами и верандами, под которыми можно увидеть местных жителей обоих полов, которые курят глиняные трубки с мундштуками из дерева или железа. Если мимо проходят караваны, носильщики останавливаются здесь, чтобы отдохнуть.

Во время еды, мужчины и женщины едят отдельно друг от друга. Вы можете судить о том, замужем ли женщинам по куску ткани, надеваемому замужними на груди, а у туземок с северного берега реки – по красивым головным уборам из пальмового волокна. Все женщины и некоторые из главных мужчин проявляют большой интерес к ручным и ножным браслетам, а также металлическим ошейникам. Когда такие модники движутся туда-сюда при солнечном свете, сцена сразу становится яркой и живописной.

Наше путешествие вверх по реке прошло без крупных происшествий. Ежедневно мы начинали плавание на рассвете, держась близко к одному или другому берегу, поросшему густыми лесами. В этих зарослях нет жизни, и никого не встретишь, кроме случайного крокодила, лежащего как бревно у кромки воды; или одинокой обезьяны, или пролетающего кричащего серого попугая. Около пяти часов пополудни судно обычно останавливалось на ночь, подойдя к берегу, в то время, как экипаж и черные пассажиры принимались рубить сухую древесину для потребления пароходом на следующий день. Пройдя через пост BergheSt. Marie, где находится римско-католическая миссия и колония для детей младшего возраста, мы достигли Луколелы, поста, основанного в 1883 году. Эта станция, расположенная посреди великолепных гигантских деревьев, хорошо известна каждому белому человеку в стране из-за превосходного табака, выращиваемого там, а древесина вокруг станции будет оценена по достоинству, когда будут найдены средства для ее доставки на побережье, а затем на европейский рынок.

14 сентября мы прибыли на станцию Экватор, где наслаждались вкусной роскошью свежего хлеба и овощей. Продолжив наш путь вверх по Конго, мы вошли в реку Убанги, которая сильно разлилась от дождей, и ее мощный встречный поток не дал нам возможности продвигаться против течения.

Станция Луколела

23 сентября мы достигли Сонго, миновав пороги, которые проходимы только для небольших пароходов. Продолжив путь в компании только двух белых мужчин, я впервые познакомился с «долбленными» каноэ. На маршруте нужно было преодолеть пять порогов, но, держась рядом с берегом и отталкивая руками нависающие ветки деревьев, мы без всяких происшествий добрались до станции Мокоангай.

Здесь капитан Тисон, комендант, оказал нам теплый прием и сделал все, что в его силах, для нашего комфорта и развлечения. Так что, хотя охота была невозможна из-за болотистой местности, время провели вполне приятно в компании с пятью другими белыми людьми, двое из которых жили на станции, а трое, как и мы, ожидали следующего парохода.

Река Убанги

Мы покинули Мокоангай 8 октября на небольшом колесном пароходе «En Avant», одном из оригинальных судов Стэнли, но из-за напора воды в реке смогли прибыть в Банзивилль только 16-го октября. Эта станция построена на самом краю большого порога, и на ней имеется отличный огород – работа капитана Херманса, офицера гренадерских войск. Дома добротны построены из кирпича, а на грядках много овощей. Также на порогах в изобилии водится рыба, которую ловят туземцы. Приступ лихорадки удерживал меня здесь почти две недели.

Именно на этой станции я был свидетелем забавного инцидента, демонстрирующего веру местных вождей в силу белого человека.

Типичные прямоугольные хижины Нижнего Конго

Глава соседней деревни приехал, чтобы пожаловаться капитану Хермансу на то, что несколько его людей отказались подчиниться его приказам. Он попросил, чтобы капитан Херманс назначил им наказание в виде порки. Естественно, капитан не был склонен вмешиваться во внутреннюю политику местного сообщества, но поскольку вождь деревни настаивал на том, что сам не в силах исполнить соответствующее наказание, было дано разрешение доставить непокорных туземцев на станцию.

Никто из нас даже на мгновение не подумал, что вождь снова появится, но в два часа он пришел с четырьмя мужчинами, которые явились довольно охотно и без малейшего принуждения. Когда их представляли коменданту, как преступников, все они улыбались, как будто наслаждались своей ролью в какой-то веселой шутке. Их спросили, привел ли их на станцию вождь, чтобы получить наказание.

Прибытие парохода на одну из станций на реке Конго

«О, да, это совершенно верно, – ответили они, – совершенно правильно – именно для этого мы и пришли».

Они все время смеялись и улыбались, проявляя абсолютное безразличие к предстоящей порке. Комендант, видя, что они, очевидно, не поняли смысла наказания, снова обратившись к вождю, послал за капралом и велел ему выпороть четырех туземцев.

Их представление о получении наказания было довольно своеобразным.

Первый мужчина лег на живот, другой плашмя лег на него сверху, а два других завершили эту «этажерку». Возможно, они подумали, что верхняя «часть» примет на себя побои за всю партию, или что это может облегчить работу капралу. Когда было объяснено, что каждый должен быть побит по отдельности, возникла небольшая дискуссия о том, кто должен получить наказание первым. Решив этот деликатный вопрос между собой, трое встали рядом, чтобы посмотреть, пока их товарищ будет переносить экзекуцию.

С первым же ударом кнута джентльмен на земле начал думать, что все было не так уж смешно. Получив полдюжины ударов, он поднялся на ноги, обернулся и посмотрел на своих компаньонов, выражение его лица было смесью страдания и веселья – страдания от боли, которая не могла победить веселья и удовольствия от того, что будет свидетелем предстоящего болезненного наказания своих друзей. Когда порка, наконец, закончилась, смеялся один вождь; лица других были вполне серьезными.

Пока я был на станции, несколько местных жителей привели мужчину, которого они поймали. Он был туземцем из внутренних районов, и в обычной ситуации был бы убит и съеден своими похитителями, которые привязали его к тяжелому бревну, чтобы он не мог убежать. Недолго думая, Херманс купил его за пятьдесят железок, вскоре освободил и отправил домой.

Туземная девушка с реки Убанги

С первым же ударом кнута джентльмен на земле начал думать, что все было не так уж смешно. Получив полдюжины ударов, он поднялся на ноги, обернулся и посмотрел на своих компаньонов, выражение его лица было смесью страдания и веселья – страдания от боли, которая не могла победить веселья и удовольствия от того, что будет свидетелем предстоящего

болезненного наказания своих друзей. Когда порка, наконец, закончилась, смеялся один вождь; лица других были вполне серьезными.

Туземец с Верхней Убанги

Пока я был на станции, несколько местных жителей привели мужчину, которого они поймали. Он был туземцем из внутренних районов, и в обычной ситуации был бы убит и съеден своими похитителями, которые привязали его к тяжелому бревну, чтобы он не мог убежать. Недолго думая, Херманс купил его за пятьдесят железок, вскоре освободил и отправил домой.

У французов есть также станция в Банзвилле стоящая на высоком противоположном берегу у самой кромки воды.

Отправляясь из Бэнзвилля в туземном каноэ, я 2 ноября прибыл в Якому, путешествие прошло без особых приключений, за исключением преодоления нескольких порогов. Мы обнаружили, что станция на правом берегу, которая была покинута французами, была полностью затоплена, и что бельгийская станция на левом берегу была в процессе строительства; но, так как не было ни одного полностью построенного дома, только несколько туземных хижин были доступны для нашего жилья.

В Якоме я обнаружил г-на Жоржа ле Маринеля, капитана инженеров и государственного инспектора в округе Убанги. Он вел переговоры с французскими колониальными властями относительно границы между владениями, и благодаря его вежливости, такту и дипломатии, трений между Францией и Бельгией удалось избежать. В тот день, когда я прибыл, французский офицер с другого берега отправил нам более десятка бутылок вина в подарок – очень приятное дополнение к нашим запасам.

9 ноября я покинул Якому, и у меня начались неприятности. До сих пор все шло гладко и без проблем.

Меня сопровождали лейтенант Девенинс из 12-го линейного полка и пятьдесят туземцев. Нам дали два семифунтовых орудия Норденфельда со всеми аксессуарами и около пятидесяти ящиков с картечью и снарядами. Они с нашим собственным багажом заполнили пять больших каноэ, которые были предоставлены в наше распоряжение.

Якома на реке Убанги

Первые два дня путешествия были достаточно легкими, без препятствий из-за порогов или очень быстрых течений; но трудности и опасности вскоре должны были настигнуть нас.

Именно в этом путешествии я впервые увидел церемонию кровного братания. Мелкий туземный вождь настоял на том, чтобы стать моим кровным братом, и, желая увидеть, как это будет происходить, я согласился.

Обряд проводился следующим образом: на открытом воздухе и в присутствии всех собравшихся старейшин и простых жителей я сидел напротив моего предполагаемого брата. В каждом из наших предплечий был сделан небольшой надрез, из которого вытекала небольшая струйка крови. Для каждого из нас (если бы я согласился в точности следовать обычаю) было бы правильным слизывать кровь другого, но в этом случае мы решили обойтись без такой детали обряда, просто потирая порезы друг другу руками и, таким образом, смешивая нашу кровь.

Ученики миссионерской школы на реке Конго

Когда это было сделано, представитель моего «брата» встал и начал стучать металлическим ножом о ствол моего ружья, извлекая монотонные «тинк, тинк, тинк», и одновременно цитируя своего рода проповедь следующего содержания:

«Если ты когда-нибудь будешь воевать со мной, если ты когда-нибудь украдешь у меня, если ты когда-нибудь ранишь меня и т. д. и т. д., то можешь умереть!». Это хорошая возможность для «побратима» получить что-то от вас, поэтому его заклинание часто содержит такие угрозы, как: «Если ты не дашь мне много оружия, ты можешь умереть!» После этого аналогич-

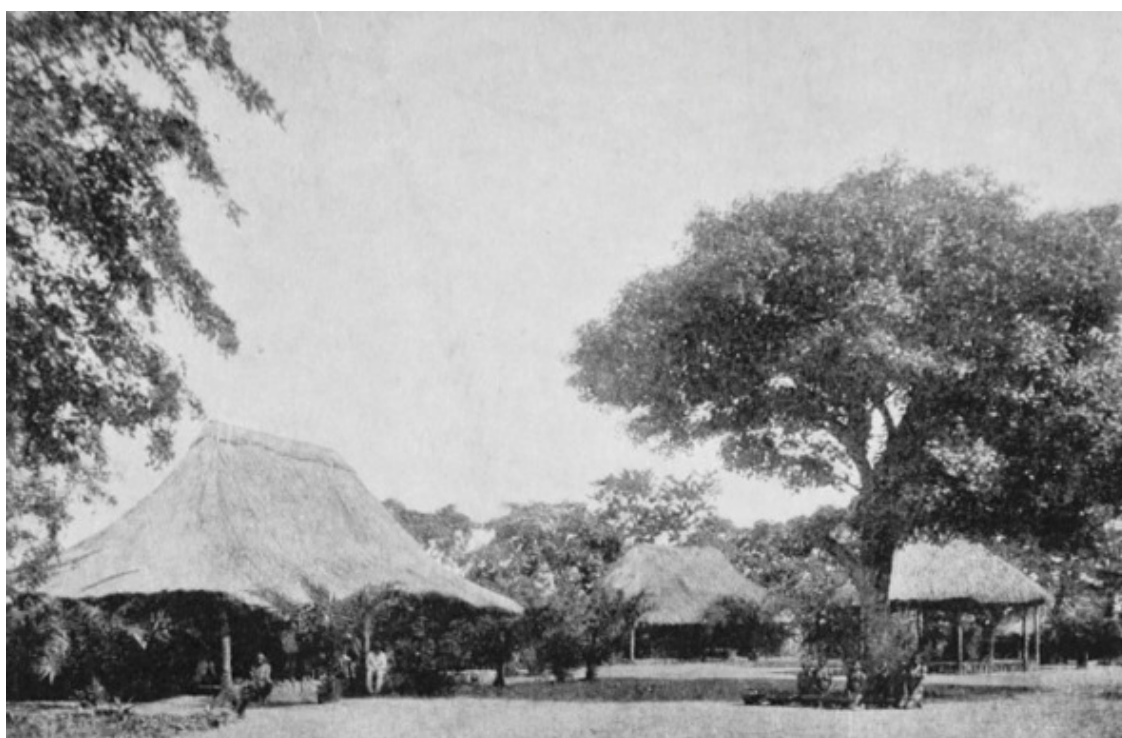
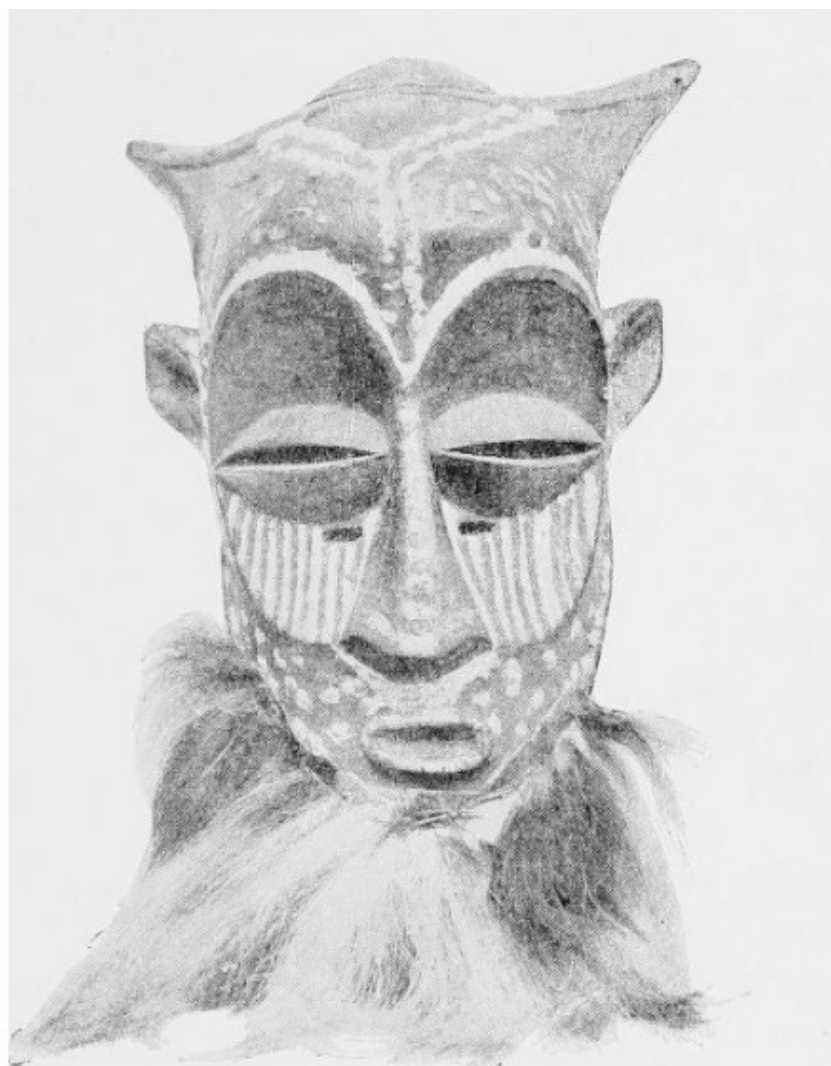
ное представление было продемонстрировано моим представителем, чьей задачей было свести на нет требования моего «нового брата».

Наконец, церемония была завершена обменом маленькими подарками.

Этот обычай ни в коем случае не является местным, но встречается почти во всех племенах, населяющих районы Центральной Африки. Стэнли достаточно часто соглашался на подобную операцию, а затем имел основания жаловаться на то, что его рука стала сильно болеть от последствий этих частых разрезов.

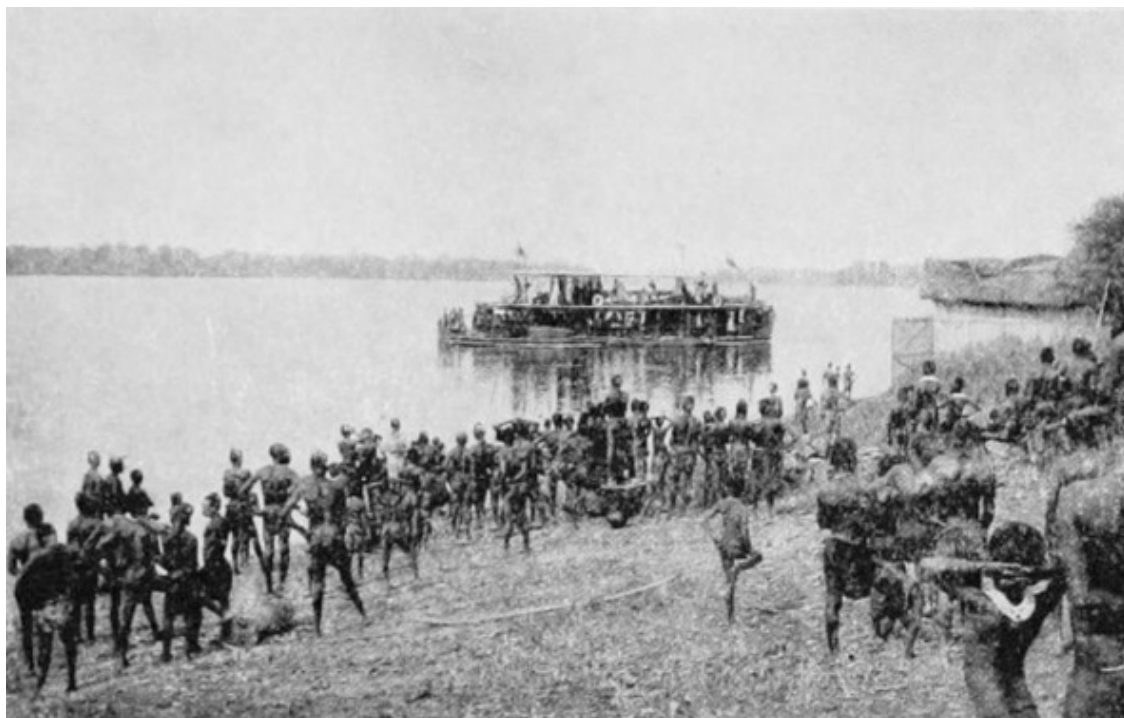

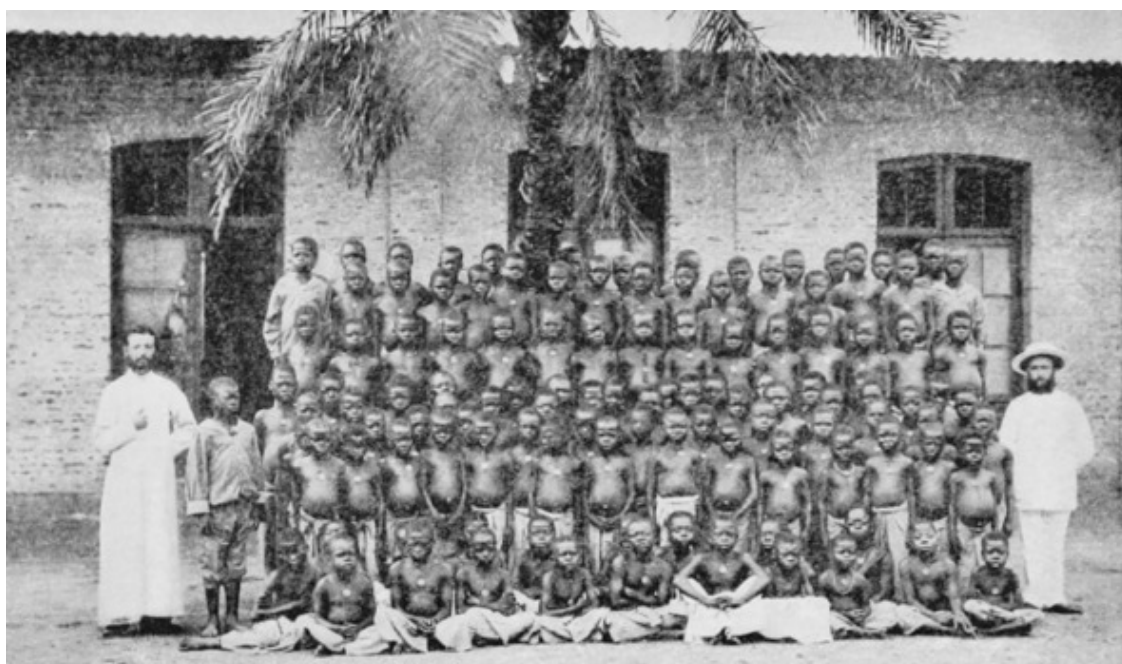
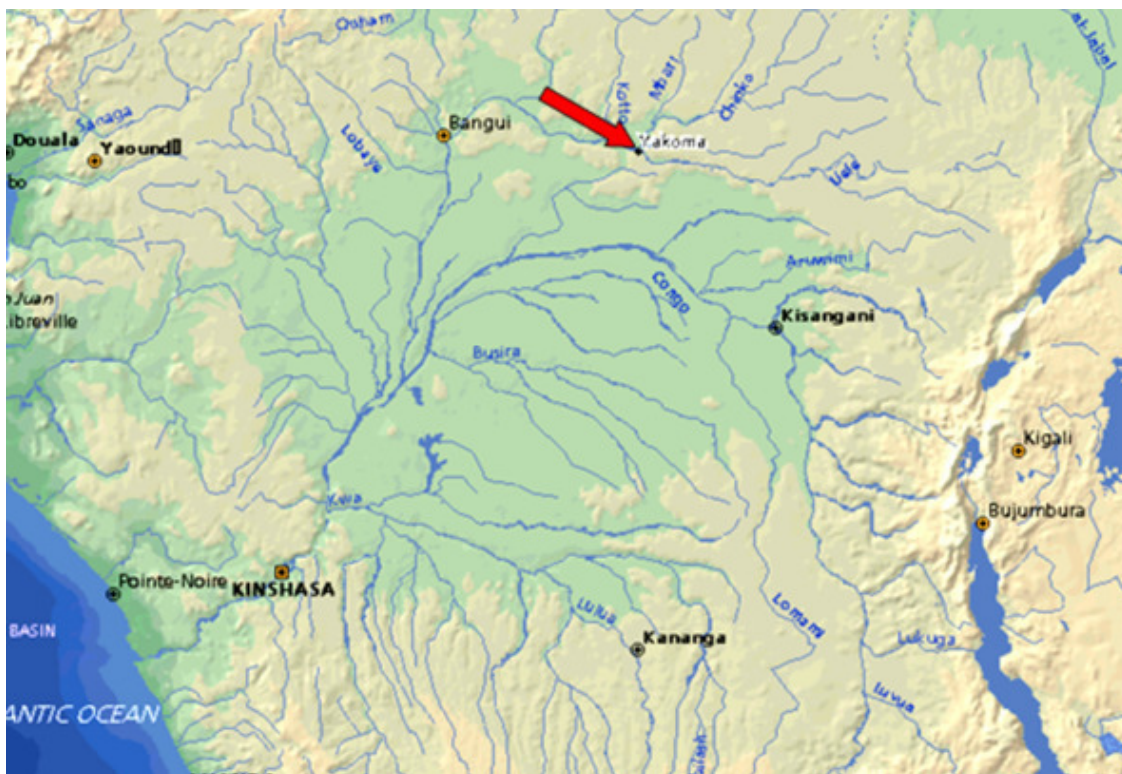

ГЛАВА II

11 ноября по дороге в Джаббир на реке Уэле мы попали в торнадо и были вынуждены остановиться в ближайшей деревне, чтобы избежать затопления. Первым признаком приближения смерча был сильный ветер, сопровождаемый шумом, не похожим ни на что другое в природе, вызванным далеким дождем, падающим на листья лесных деревьев. Мы слышали это задолго до того, как смерч добрался до нас. Сначала был просто шорох, который постепенно увеличивался в громкости, пока сильный дождь не обрушился на нас с оглушительным ревом. Дикая ураган пришел на смену умеренному ветру, и река, успокоенная несколько мгновений назад, покрылась высокими волнами. Последовала молния с сильным громом, более мощным, чем любая гроза, наблюдаемая мной ранее в Индии.

Деревня, в которой мы нашли убежище, состояла из нескольких грязных хижин, сквозь крыши которых постоянно просачивался дождь, как через сито. Воспользовавшись случаем, мы, измученные комарами, каплями дождя и дымом от деревенских костров, постарались отдохнуть настолько, насколько позволили обстоятельства,

Шторм стих, и следующим утром мы продолжили путь в хорошую погоду, прибыв в деревню М'пота. Здесь мы обнаружили, что понадобится несколько дополнительных гребцов, чтобы мы смогли преодолеть трудности, возникающие на порогах выше по реке. Поскольку было нелегко найти новые каноэ, я отправил лейтенанта Девенинса с сорока чернокожими по суше в Джаббир, оставив с собой четырех солдат в качестве переводчиков (причину, по которой понадобились четыре переводчика, мы увидим позже) и шесть солдат, которые были больны.

Банановое дерево

Наши неприятности теперь начались по-настоящему.

Собрав с помощью местного вождя около семидесяти человек для работы на четырех больших каноэ, я начал загружать свой собственный багаж, вещи лейтенанта, два орудия Норденфельда и боеприпасы примерно в пятидесяти ящиках. В четыре часа мы добрались до первых порогов, где гребцы настояли на ночлеге, а на следующее утро они все отказались отправиться в путь, если не получат подарки в виде бисера. Поскольку это противоречило нашему соглашению, и поскольку у меня было только около двух фунтов бисера, я возражал, и после долгих переговоров через моих переводчиков убедил бастующих плыть дальше.

Продолжив путь в 7:30 утра, мы миновали первый порог к одиннадцати часам. Гребцы теперь требовали еды, заявляя, что у них нет средств на их покупку в попутных деревнях. Остановившись в одной деревне, расположенной на острове, я купил достаточное количество бананов для каждого, но и здесь они были недовольны – они не хотели бананы, они хотели бусы. Видя, что все это было просто приемом, позволяющим избежать дальнейшей работы, я разделил бананы между четырьмя каноэ и поместил по одному вооруженному солдату в каждую лодку. Такая угроза позволила нам направиться к следующим порогам. Три каноэ прошли препятствия благополучно, но четвертое затонуло, поэтому мы были вынуждены вернуться, и с большим трудом сумели поднять его, в конечном итоге, достав из воды большую часть грузов.

Я остановился на ночь на небольшом острове посреди реки, выставив к лодкам охрану, чтобы ни у кого из гребцов не было возможности бежать. Но ночью они обнаружили другие каноэ, спрятанные на берегу, и утром я проснулся и обнаружил, что со мной остались десять солдат и четыре тяжело нагруженных каноэ без единого гребца. К счастью, мы нашли небольшую деревню в верхнем конце острова, где нам удалось нанять достаточное количество человек.

Мои трудности усугублялись незнанием туземных языков, и теперь я оценил помощь четырех переводчиков, двое из которых были хауссы, один – мобанги, а четвертый – негр из Сьерра-Леоне. Процесс общения с туземцами был следующим: я должен был сказать последнему из них (из Сьерра-Леоне) на «пиджин-инглиш»*, что я хотел и заставить его понять меня; затем он переводил общий смысл моей фразы на какой-то диалект западного побережья, понятный одному из хауссов, который переводил это другому на свой язык; тот, в свою очередь, переводил то, что он услышал, негру мобанги, который, наконец, доносил мою мысль местному вождю.

* *Пиджин инглиш (pidgin English) – упрощенный и примитивизированный английский язык для общения между разными этническими группами в странах Африки и Азии (примечание переводчика)*

Возможности сильного искажения смысла сказанного в ходе этого процесса вполне очевидны, и я совершенно уверен, что мои вопросы очень часто доходили до последней инстанции в форме, совершенно отличной от той, в которой они были заданы.

На третий день, облегчив одно из больших каноэ, я отправил его вверх по реке в деревню вождя Дахии, брата вождя Джаббира, чтобы нанять еще несколько десятков гребцов, необходимых, чтобы двигаться дальше с тремя оставшимися лодками. Я был вынужден ждать целый день до того, как каноэ вернулось с сорока или пятьюдесятью чернокожими. Тогда мы продолжили путь, и в час дня оказались чуть ниже порогов, недалеко от того места, где находилась деревня Дахии. Здесь туземцы категорически отказались вести лодки за пороги, заявив, что этот участок реки слишком опасен. Я был вынужден разгрузить все каноэ, и, оставив солдата, отвечающего за сохранность багажа, отправился в деревню Дахии, которая находилась примерно в двух милях отсюда, и мне повезло обнаружить, что лейтенант Девенинс ждал там моего прибытия в течение двух дней. Наконец я подумал, что мои проблемы закончились. Прибыл сам Дахия, пообещав столько каноэ и людей, сколько я пожелаю, и принес много еды. Он также предоставил достаточно людей, чтобы перенести в деревню все оружие и другие вещи, выгруженные с лодок перед порогами. Я надеюсь на слово Дахии, остался в деревне и ждал прибытия моих каноэ и людей.

Туземец мобанги

Примерно через час прибыло одно небольшое каноэ, движимое двумя мужчинами, которые быстро исчезли, как только лодка уткнулась в берег, но менее чем за четверть часа она утонула, имея течь в днище. Целый день был потрачен на переговоры с Дахией о новых каноэ и людях. Наконец мне удалось заполучить одну просторную лодку ивосемь человек, без надежды на дальнейшую помощь. Я был вынужден заранее отправить одно каноэ с приказом оставить свои грузы на следующем посту под охраной солдата и вернуться с лодкой и людьми, чтобы взять с собой еще часть багажа. Таким образом, я продвинулся за четыре дня на расстояние, которое при благоприятных обстоятельствах легко может быть преодолено за один день.

На четвертый день я приступил к перевозке багажа и грузов, но до следующего поста Буссенди добрался только к девяти часам вечера. Здесь мне ничего не оставалось, кроме как прибегнуть к той же тактике, чтобы достичь следующего поста. На следующий день, когда я ушел на последнем каноэ, после нескольких часов гребли против сильного потока, я спросил, как далеко мы еще должны плыть. На каждый вопрос следовал ответ «остался только короткий путь».

Так продолжалось до восьми часов вечера, когда гребцы вежливо сообщили мне, что не думают, что смогут добраться до поста той ночью. Они попросили позволить им сойти на берег и спать там, оставив меня и двух моих солдат в каноэ. Требовалась определенная твердость, чтобы удержать чернокожих в подчинении, и я хорошо знал, что никогда не увижу их снова, если они окажутся на берегу. Было очень темно, и я понятия не имел, где нахожусь, поэтому, видя, что они не намеревались больше работать, я был вынужден привязать каноэ

к группе деревьев на затопленном острове, по крайней мере будучи уверенным, что эти люди не смогут выйти из лодки, хотя им будет очень некомфортно в течение холодной ночи. Оставшись без ужина, мы дождались первого проблеска рассвета, когда я обнаружил, что чернокожие охотно стремятся продвинуться вперед, так как они замерзли и были голодными.

Продолжая наш путь вверх по реке, мы вскоре прибыли в Конирах. Здесь, к счастью, я нашел одного из «капралов» Джаббира (деревня носила имя вождя), который был готов и мог сделать все, что мне требовалось. Будучи одним из могущественного племени азанде, он быстро нашел способ найти семь каноэ и восемьдесят человек для работы на них. С этого момента у меня не возникало затруднений, «капрал», сопровождавший нас в Джаббир, свободно использовал свою палку по малейшему признаку лени или недовольства со стороны гребцов. Мы прибыли в Джаббир 26-го числа в одиннадцать часов, потратив двадцать три дня на то, что в действительности является девятидневным путешествием, и обнаружили, что г-н Девенинс ждет меня там.

Бельгийский форт в районе селения Джаббир

Из-за договоренностей, которые были достигнуты между Францией и государством Конго, мой пункт назначения был изменен с Семио на Ньянгару, и позже я обнаружил, что нет причин сожалеть об этом, поскольку моей первоначальной целью была пустынная, окруженная болотами станция Мешр-эль-Рек, откуда, вероятно, я никогда не должен был вернуться живым.

Прибыв в Джаббир, я был приятно удивлен, обнаружив, что трое англичан уже удобно устроились там: доктор Смолл, которого я оставил в Леопольдивиле, капитан Солсбери и сержант Грэхем.

Султан Джаббир

Впервые с момента прибытия в эту страну я встретил действительно важного вождя. Войдя в столовую, я был официально представлен тихому, проницательно глядевшему туземному джентльмену в форме капитана Force Piiblique (бельгийских колониальных войск).

Это был Джаббир, вождь (султан) абанджийской части великого племени азанде, который, как я обнаружил, часто приходил обедать с офицерами станции и совершенно спокойно чувствовал себя в европейской обстановке, как за столом, так и в других местах. Он всегда считал себя верным другом белого человека, будучи достаточно дальновидным, чтобы предвидеть возможное господство белых в Центральной Африке.

Бомоканди (красная стрелка), Ньянгара (белая стрелка)

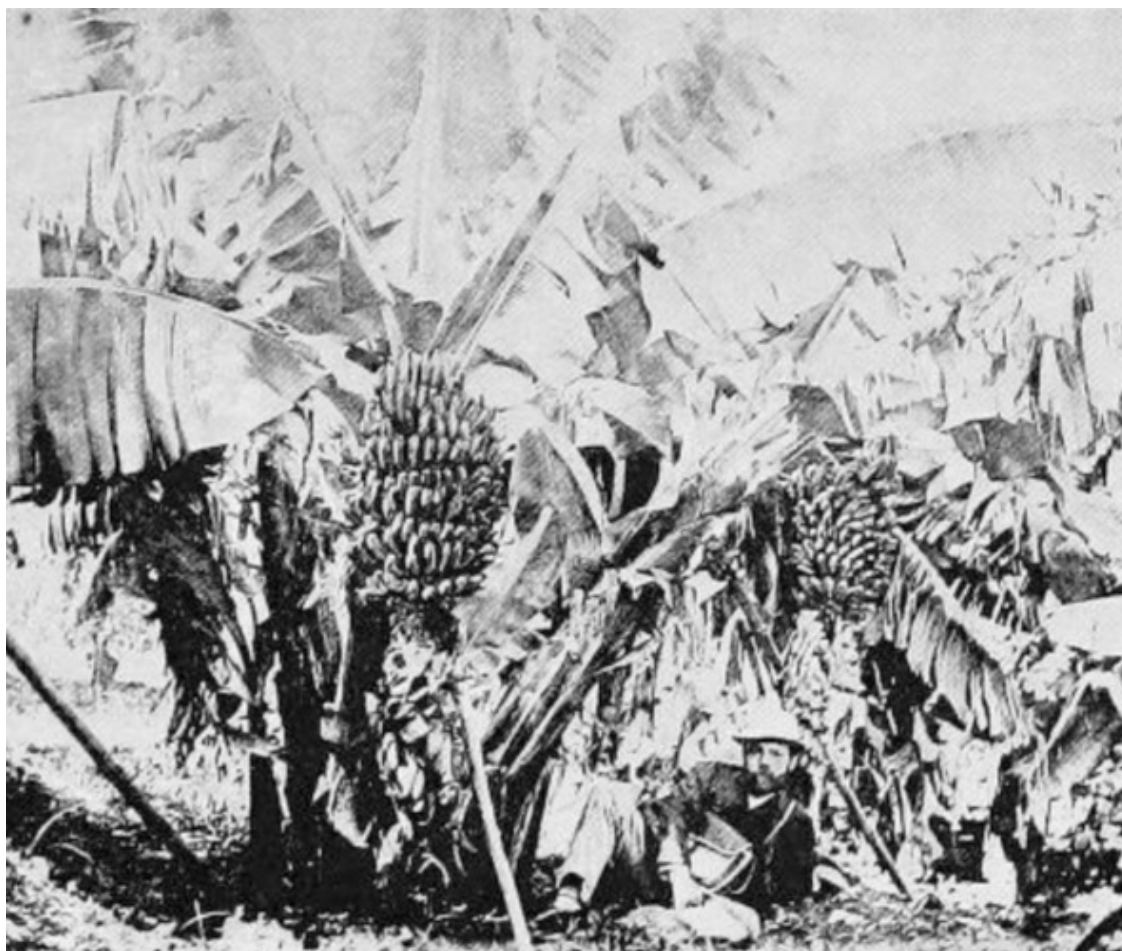
В селении Джаббир я обнаружил государственного инспектора Пола ле Маринеля и еще семерых европейцев, направлявшихся вверх по реке. После недели, потраченной на обучение наших людей, я пошел дальше с лейтенантом Копсом и сотней человек, на этот раз по суше, отправляясь в Н'Янгару. Проходя вдоль северного берега реки Уэле через лес и редкие открытые равнины, мы 26 декабря прибыли на пост М'Бима. Здесь мы перешли на южный берег, и после двухдневного пребывания там прошли вдоль этого берега до туземного поста Чиасси.

Султан Джаббир с семьей у своей резиденции

В маленьком поселении племени азанде ко мне пришли несколько из моих людей, чтобы сообщить, что глава деревни собирался убить одного из своих подданных за колдовство. Несчастный человек, маленький и некрасивый представитель своей расы, по-видимому, был виновен в нежной неосторожности с одной из жен вождя. После некоторых переговоров с вождем я выкупил заключенного ценой в два ярда белой ткани при условии, что я смогу забрать его с собой. Излишне говорить, что эта жертва обстоятельств была очень рада согласиться с моими условиями; и он оставался со мной около пятнадцати месяцев в качестве слуги, и в конце концов, вернулся в свою деревню по собственной просьбе.

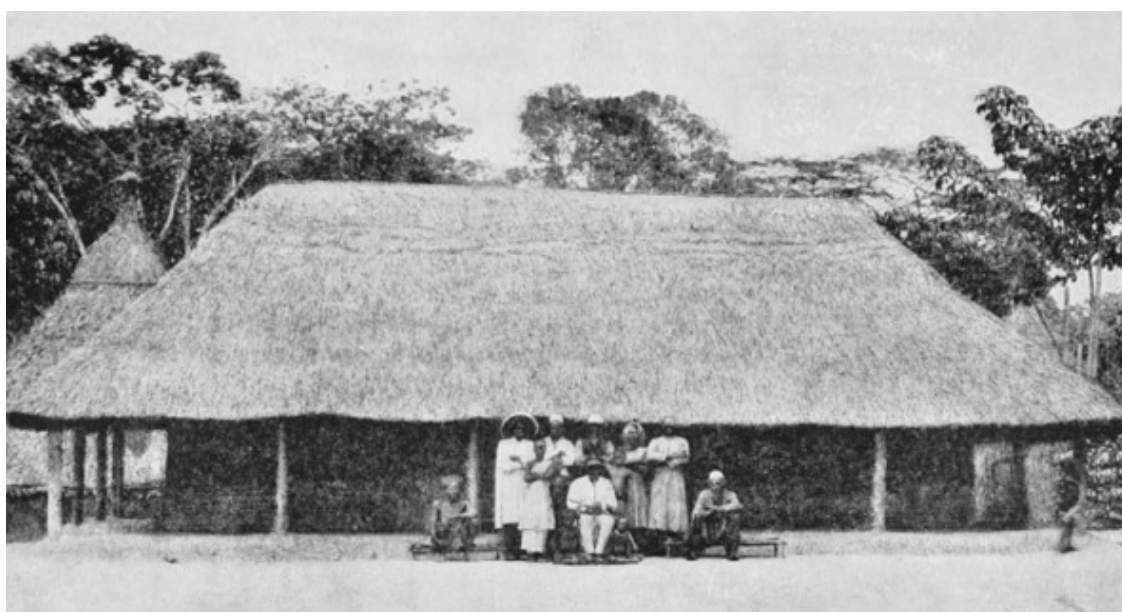
Пересекая реку еще раз в Джасси, мы последовали вдоль северного берега до поста Бомоканди, так называемого пункта пересечения рек Бомоканди и Уэле.

Еще через один день мы снова пересекли реку в последний раз, достигнув 19 января поста Амадис и снова погрузившись на каноэ, прибыли в Ньянгару 26-го числа этого месяца. В течение всего этого марша от Джаббира до Амадаса на протяжении около 250 миль, я не видел ни одного слона, хотя почти каждое утро мы сталкивались с их бесчисленными следами.

ГЛАВА III

В Ньянгаре я обнаружил, что комиссар округа готовился к маршу против вождя азанде на севере. 2 февраля колонна из 670 туземных солдат, вооруженных винтовками, в которой находились десять белых офицеров, под командованием комиссара, вышла из Ньянгары в северо-восточном направлении.

После девятидневного марша через практически необитаемую страну (поскольку она была полностью покинута людьми) утром 11 февраля наши три колонны внезапно оказались перед азандами, и быстро сформированное каре, подверглось нападению с обоих флангов, в то время, как его фронт атаковали три линии кричащих копейщиков. Отряды солдат из Сьерра-Леоне дрогнули и разбежались, и азанды ворвались в каре, убив примерно шестьдесят чернокожих солдат, а также одного белого человека, и ранив примерно столько же.

Беглецов, к счастью, остановили солдаты-мобанги на заднем фланге каре, которые таким образом предотвратили полную катастрофу.

Поскольку стало невозможно выполнить наш первоначальный план из-за подавленного и дезорганизованного состояния трех рот из Сьерра-Леоне, а также из-за огромных потерь, понесенных ротой хауссов (тридцать шесть убитых и более сорока раненых из общего числа в 103 человека в роте) экспедиция отступила на юг к укрепленной станции в Донгу, расположенной на слиянии рек Донгу и Кибали (в 330 км к востоку от Ньянгары), куда мы прибыли 24 февраля.

Большое каноэ на реке Конго

28 февраля с двумя сотнями человек лейтенант Никло и я были посланы основать новый пост на территории Кабасиду вождя племени абаугба, в шести часах марша к юго-западу от Донгу. Основной целью этого поста было снабжение местного гарнизона, достигающего численности около 1200 душ, продуктами и зерном, собранным из страны народа мангбетту. Этот пост, в конце концов, был передан мне после смерти в конце августа лейтенанта Суинхуфвуда, шведского офицера на службе государства Конго.

Воины азанде. Картина Рихарда Бухта

Тогда же меня призвали принять командование районом Макуа, состоящим из постов Ньянгара, Сурнанга и Амандис (на реке Уэле), Покко (на реке Бомоканди) и всей страны на юг до реки Руби и дальше до реки Непоко. По этой территории я постоянно путешествовал, перемещаясь по всей ее длине и ширине, посещая каждого важного вождя и обеспечивая его приверженность правительству государства. Таким образом, у меня была широкая возможность изучить привычки, обычаи и обряды этих народов, включая мангбетту и родственных им племен.

Ньянгара (белая стрелка), река Уэле (зеленая стрелка), река Руби (желтая стрелка), река Непоко (красные стрелки). От Ньянгары до Руби 125 км; от Ньянгары до Непоко 220 км)

Район, за который я отвечал – это район Верхней Уэле, который простирается от двадцати трех градусов долготы на западе к востоку почти до Нила, и на севере имеет границей реку М» Бому (120 км к северу от Ньянгары), протекающую вдоль параллели пять градусов северной широты. Южная граница, которая не может быть точно определена, примерно проходит по рекам Непоко и Арувими.

Река Непоко (желтая стрелка), Мабоди (красная стрелка), река Уэле (зеленая стрелка)

Страну орошают река Уэле вместе с притоками Бомоканди, М'Бома, Верре и некоторые более мелкие притоки. К северу от Уэле, в западной части района, земля в значительной степени покрыта густым лесом; центральная и восточная части состоят из крупных открытых травянистых равнин, отличающихся волнистым каменистым грунтом, редко покрытым кустарником. К югу от реки страна представляет собой совершенно другой ландшафт, усеянный

многочисленными деревнями, которые окружены крупными и процветающими плантациями кукурузы, бананов, маниоки, проса и кунжута. На северном берегу Уэле земля неплодородна, но южнее, где поселились племена земледельцев, страна намного богаче, а почва в наибольшей степени приспособлена для сельского хозяйства. Земля настолько плодородна и в таком изобилии дает пищу, что туземцам нужно работать всего по два месяца из каждых двенадцати в году.

Женщины, переносящие зерно после сбора урожая

Поскольку в этих регионах нет свободных залежей соли, эту наиболее необходимую приправу приходится производить искусственно, и ее все племена добывают из растений папируса.

Высота района Верхнего Уэле составляет в разных местах от 1 400 до 2 500 футов (400 – 750 м) над уровнем моря. Сама река Уэле судоходна почти на всем протяжении. Есть несколько порогов, где необходима переноска товаров по суше, но сами лодки могут без проблем преодолевать все препятствия. Сезон дождей начинается примерно в середине июля и продолжается до середины декабря. Дождь идет не непрерывно в течение двух или трех дней подряд, но, как правило, днем и ночью. Более короткий сезон дождей – с 15 февраля по 15 марта. В другие месяцы года, хотя климат теплый, температура редко превышает 92 градуса по Фаренгейту (33 градуса по Цельсию).

Ночи всегда прохладные и свежие, сопровождаются сильными росами. В стране из-за большого количества воды и болотистых местностей распространена малярия.

Некоторые из туземных племен дают названия месяцам в соответствии с тем, что в них делается.

Таким образом, один из них называют «маро», так как в это время сеют «маро», главный ингредиент, используемый в пивоварении; другой называется словом, производным от слова «маро», то есть, сезон, когда урожай должен быть собран. Вслед за этим наступает месяц «плохой воды», когда риск лихорадки самый большой; затем месяц слонов, когда туземцы охотятся на слонов, сжигая траву; затем месяц термитов, в течение которого этих насекомых собирают, и они считаются большим деликатесом; и так далее.

Насколько я мог судить на основании исследований и наблюдений, обычаи каждого племени постоянны. Главенствуют над всеми племенами азанды, которые, согласно преданиям, пришли с севера.

Поселившись к северу от Уэле, они постепенно продвигались на юг к более плодородной земле через реку и к северному берегу Конго. Если бы белый человек не появился, чтобы остановить их продвижения, разумно предположить, что постепенно они полностью поглотили бы другие племена, обитающие к югу от Уэле. Они не имеют записей о своем происхождении и не имеют традиционной истории, за исключением простой устной генеалогии последних нескольких поколений семьи правящего вождя.

В этом отношении они в целом отличаются от всех арийских народов, которые неизменно сохраняют традиции расы и историю своего происхождения.

Район, занимаемый народом азанде, простирается от двадцати трех градусов до тридцати градусов восточной долготы и от шести градусов северной широты до трех градусов южной. Его жители разбросаны по всей стране и подразделяются на абанджия на западе, авонгура в центре и макрака на востоке. Они – боевой народ, использующий военные формирования в войне, и власть их вождей абсолютно деспотична.

Умелые охотники, они в мирные периоды большую часть своего времени проводят в поисках слонов и антилоп, которые в обилии водятся в кустарниках и на равнинах их территорий. Как правило, женщины выполняют всю работу по дому и возделывают поля, как и в других племенах, но не имеют никакого влияния в делах племени, как и женщины племени мангбетту.

Все народы этого района являются людоедами, что подтверждается многочисленными наблюдениями. Например, азанды к югу от Уэле позволяют женщинам и детям есть любую человеческую плоть, а мужчины едят только тех, кого они убили в бою.

Азанде изготавливают довольно хорошую керамику различной формы, включая трехгорлые кувшины, похожие на итальянские.

Воин азанде. Картина Антониона Шиндлера
«Кениба»

Они очень любят своих женщин, не покупая и не продавая их. В сочетании с этим хорошим качеством следует отметить их любовь к музыке, потому что эти люди очень музыкальны, и с большим мастерством играют на туземной «арфе», и «кенибе», своего рода ксилофоне, сделанном из кусочков дерева различной длины и формы, закрепленных на полых тыквах разного размера.

Азанде используют табак, но они не такие заядлые курильщики, как представители других племен. Их трубки сделаны из дерева, с глиняной головкой. Кукуруза и маниок являются их основной пищей; картофель тоже сажают, но едят только тогда, когда вынуждает голод. Они очень любят арахис, который выращивают в больших количествах.

В охоте они используют собак, чтобы загнать дичь в заранее растянутые сети. Эти собаки особой породы, внешне напоминают миниатюрную свинью.

Воины народа азанде

Когда вожди азанде идут на войну, они одеваются в самую рваную одежду, какую только могут найти. Их щиты изношены и разбиты, а их ножи ржавые и сколотые. Глядя на них создается представление, что они самые бедные из бедных. Ночью они спят среди своих подданных без какого-либо прикрытия. Все это делается для того, чтобы в бою их не опознал враг и не сосредоточил своих усилий на том, чтобы убить вождя, тем самым обезглавив войско противника. Даже в мирное время влиятельный вождь азанде, как правило, довольно скромно одет, гораздо проще, чем окружающие его люди, и он не носит украшений.

У этих туземцев гораздо более высокий уровень морали, чем в других племенах, и они проявляют настоящую привязанность и уважение к женщинам, которые, как правило, живут в отдельной деревне в зарослях, примерно в двухстах ярдах от хижины вождя, где они практически недоступны для белого человека.

Одно из их главных удовольствий этих негров – танцы, когда они передвигаются по кругу, топчут землю ногами и в такт бою барабана покачивают головами и размахивают руками.

Будучи очень хитрыми торговцами, они долгое время будут оспаривать сделку, и, когда она, наконец, будет заключена, они все равно будут требовать себе дополнительные подарки, без малейшего чувства стыда.

Мужчины среднего роста, хорошо сложены их кожа темно-красно-коричневого цвета. У них нет отличительного знака татуировки, за исключением западной ветви народа азанде, представители которой приняли знаки татуировки побежденной ими расы мобанги. Волосы и бороды носятся в длинных тонких косах, а на голове они очень часто носят сетку из веревки, которая спадает на затылок. Они одеваются в ткань из коры, изготавливаемую путем ее отжима и выколачивания образовавшейся массы, как мангбетту, и носят такую же маленькую круглую шапку из плетеной травы. Они размазывают свои тела маслом и порошкообразной пылью каменного дерева, а во время войны чернят краской лоб и подтачивают передние зубы, придавая им треугольную форму.

Традиционное оружие азанде – это копье и щит, а среди западных азандов – тяжелое колющее копье с широким лезвием.

Отряд воинов азанде

Среди людей Центрального и Восточного районов легкое метательное копье является обычным оружием, и каждый человек носит четыре, пять или шесть таких копий. Западные туземцы носят маленький плетеный щит с железной тарелкой посередине. Азанде, живущие в центре и на востоке, имеют большой овальный щит, такого же изготовления.

Странно обнаруживать наш национальный английский напиток – пиво – в таких местах, но мы нашли людей, которые делают пиво из кукурузы. Горькое и густое пиво очень долго сохраняет свои первоначальные качества, его варят путем ферментации зерна. Племенам этот напиток нравится. Арабы научили их плести грубую белую ткань, которая хорошо носится.

Оружие азанде

Азанде обычно убивают осужденных преступников с помощью копья. Я помню, как однажды вождь азанде поймал одну из своих жен, пытавшуюся сбежать с другим мужчиной. Их обоих схватили и привели назад в деревню, а на следующее утро перед собранием соплеменников, вызванных на экзекуцию, они были привязаны к деревьям. Сам вождь, после длительной обличающей речи перед собравшимся множеством людей, стоя на расстоянии пятидесяти ярдов от обвиняемых, начал танцевать, время от времени останавливаясь, чтобы метнуть копьё в женщину или мужчину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.